Этот момент озарил Хань Ся. Он встряхнул бумажный цилиндр, обнаружив, что из него ничего не высыпается, затем повернул его к стороне с крошечным отверстием и поднес к глазам. Увиденное заставило его замереть на месте, и он пробормотал:

— Как так может быть? Ой, оно движется!

С выражением удивления на лице он начал вращать бумажный цилиндр, и чем больше крутил, тем больше восхищался. Через некоторое время, вспомнив, что старший брат рядом, Хань Ся поспешно протянул цилиндр ему и восторженно произнес:

— Брат, взгляни на эту вещь, она действительно странная. Невероятно яркая!

Странность не была чем-то необычным для вещей, которые доставал Чжэнь Цюн. Но «яркость»? Взглянув на невзрачный сероватый бумажный цилиндр, Хань Мяо взял его и тоже поднес к глазам. Увиденное заставило его сердце учащенно забиться. Внутри маленького цилиндра сияли яркие краски, словно гроздь кристаллов расцвела цветком. Все линии и цвета были идеально симметричны, превосходя даже самые искусные узоры, созданные мастерами. Рука дрогнула, и цветок изменил форму. Он не удержался и тоже начал вращать цилиндр, наблюдая, как цветы распускаются и снова смыкаются, а цветные линии перетекают, ни разу не повторяясь.

Будучи человеком, повидавшим многое, Хань Мяо остановился через несколько мгновений и вернул цилиндр младшему брату.

— Брат, как я могу принять такой ценный подарок? — Хань Ся не взял его. Даже в качестве подарка при встрече это было слишком щедро.

Хань Мяо сквозь улыбку:

— Если даосский наставник Чжэнь может так легко его отдать, значит, это не такая уж ценная вещь. Прими его с легким сердцем.

Хань Мяо знал Чжэнь Цюна лучше других. Хотя у того не было особой жадности, он все же ценил деньги. Если бы это было что-то действительно ценное, он бы ни за что не отдал это. Как, например, с белым сахаром — для него это было всего лишь ложка желтой грязи, и, скорее всего, он даже не потратил на это свои деньги, а просто воспользовался чужими ресурсами, чтобы сделать подарок.

Хань Ся не понимал всех тонкостей, но не мог ослушаться старшего брата, поэтому с некоторой тревогой принял подарок. Помедлив, он не удержался и спросил:

— Брат, ты относишься к даосскому наставнику Чжэнь как-то по-особенному. Неужели это только из-за того, что он помог нашей бабушке?

Он не знал даосского наставника, но знал своего брата. Такая близость с этим даосом не походила на простую благодарность. Но сказать, что он что-то замышляет, тоже было сложно, и это вызывало у него любопытство.

Хань Мяо улыбнулся:

— Не только из-за благодарности. Я считаю его братом, и ты тоже должен относиться к нему как к старшему брату.

Его младший брат был человеком с сильным чувством справедливости. Если бы он говорил только о деньгах, которые можно заработать на сахаре, цветочной воде и стекле, это могло бы вызвать у него неприязнь. Теперь Хань Мяо действительно считал Чжэнь Цюна частью семьи и хотел, чтобы тот мог спокойно заниматься своей практикой. Что касается новых изобретений, которые тот периодически создавал, он просто собирал их, оставляя долю прибыли.

Теперь у Хань Мяо появилась уверенность, что он сможет позаботиться об этом даосе. Он не позволит ему уйти, как только тот разбогатеет. А чтобы удержать его, отношение семьи к Чжэнь Цюну было крайне важным.

Хань Ся на мгновение замолчал. Этот даос выглядел моложе его, как же он вдруг стал старшим? Однако старший брат был для него как отец, и он не мог ослушаться. Опустив взгляд на подарок в руках, он кивнул:

— Я запомню.

Хань Мяо улыбнулся и, выйдя с ним из двора, начал расспрашивать о том, как тот провел год в Академии. Хань Ся сразу оживился и начал рассказывать. Академия Юэлу действительно отличалась от других школ. Она не только уделяла внимание классическим наукам, но и делала акцент на исследовании вещей для обретения знаний. Бывший директор был великим ученым, который обучал всех без различия, стремясь воспитать таланты. Для семьи Западной ветви Хань, которая добилась положения через пожертвования, это был лучший выбор.

Однако, слушая рассказ Хань Ся, Хань Мяо слегка нахмурился. У его брата было все хорошо, только он слишком увлекся книгами и потерял гибкость. Честного человека легко обмануть, и в будущем, когда он станет чиновником, это может стать проблемой.

Рядом с ним он мог постепенно направлять брата. Но когда тот отправится служить в провинцию, он не сможет всегда быть рядом. Видимо, нужно подобрать ему хорошую жену, умную и сообразительную, чтобы она могла компенсировать его недостатки в общении с людьми. Как только в следующем году закончится траурный период и он сдаст областной экзамен, можно будет женить его.

Вскоре он решил этот важный вопрос для брата. Что касается себя… Хань Мяо покачал головой. Пусть подождет еще пару лет. Пусть сначала невестка позаботится о бабушке и наведет порядок в доме.

Почему-то его мысли вдруг обратились к даосу в заднем дворе. Теперь он даже не жил в храме, не поклонялся богам и никогда не соблюдал постов. Разве это не странно для даоса? А женится ли он? Эта мысль вызвала легкую улыбку на его губах. Чжэнь Цюн, вероятно, даже не знает, как общаться с женщинами…

— Брат?

Голос брата вернул его к реальности, и он улыбнулся:

— Ты устал с дороги, иди отдохни. Проведи время с бабушкой, чтобы она успокоилась.

Хань Ся послушно согласился и ушел отдыхать. Хань Мяо же обернулся и взглянул на дальний двор.

Нужно будет найти время, чтобы все выяснить.

Проснувшись снова, он увидел, что уже полдень следующего дня. Чжэнь Цюн с трудом выбрался из теплых меховых одеял, и холодный ветер напомнил ему о незаконченном эксперименте.

«Черт! Его что, опоили снотворным?»

Он быстро оделся, не утруждая себя умыванием, и побежал в алхимическую лабораторию. К счастью, вещества, которые он выделил вчера, не были повреждены, и через полчаса он наконец собрал все, что нужно. Только вздохнув с облегчением, он почувствовал, как в животе заурчало.

Чжэнь Цонь схватился за живот и закричал:

— Аньпин!

— Что случилось? — В дверь вошел не Аньпин, а Хань Мяо. Увидев его состояние, он нахмурился. — У тебя болит желудок?

— Нет… просто я голоден.

Чжэнь Цюн замер на месте. Почему господин Хань здесь?

Спать с пяти часов вечера до полудня — конечно, он голоден. Хань Мяо вздохнул:

— Пойди умойся, еда уже готова.

Ошеломленный, Чжэнь Цюн побежал умываться и чистить зубы. Вернувшись в гостиную, он увидел, что на столе уже стояли тарелки. Не было ни жирного мяса, ни рыбы, только легкие закуски и суп. Чжэнь Цюн, изголодавшийся, набросился на еду, и, как только утолил первый голод, обнаружил, что съел все, что было на столе. Почувствовав, что еще не наелся, он поднял палочки и с надеждой посмотрел на Хань Мяо.

— Нельзя переедать. Подожди до полдника, — Хань Мяо невозмутимо отверг его просьбу.

— Ох…

Чжэнь Цюн с сожалением положил палочки и наконец пришел в себя. В последние дни он так увлекся алхимией, что давно не видел, как Хань Мяо заходил в лабораторию. Почему он вдруг появился?

Заметив его недоумение, Хань Мяо улыбнулся:

— Брат, помнишь тот бумажный цилиндр, который ты подарил Ся вчера?

— А? — Чжэнь Цюн сразу оживился. — Ему не понравился калейдоскоп?

Неужели он счел калейдоскоп игрушкой для девочек и разозлился? Хань Ся выглядел на шестнадцать-семнадцать лет, может, стоит сделать ему шашки?

Увидев выражение лица Чжэнь Цюна, Хань Мяо понял, что был прав:

— Так он называется калейдоскоп. Ся он очень понравился, и мне тоже стало любопытно, как в

нем появляются такие узоры?

— О, это просто отражение в зеркале. Нужно взять трехгранную призму и немного битого стекла, — услышав, что Хань Ся доволен, Чжэнь Цюн успокоился.

— Зеркало? Разве ты использовал медное зеркало? — Хотя он не понял последнюю часть, слова «зеркало» и «отражение» были достаточно ясны. Хань Мяо поднял бровь. Вес цилиндра не был похож на медь.

— Не обязательно медное зеркало, подойдет любое, что хорошо отражает. Стеклянное зеркало, оловянная фольга, серебряный лист — все сгодится, — Чжэнь Цюн ответил легко. В его мире калейдоскопы были игрушками для детей и не стоили ничего. Он просто сделал его из отходов, так как пробные зеркала не получились.

— Стеклянное зеркало? — Хань Мяо сразу ухватился за главное. — Из стекла можно делать зеркала?

— Конечно.

Чжэнь Цюн встал и побежал в комнату, через мгновение вернувшись с ящиком, который вывалил на стол.

— Вот, это все стеклянные зеркала. Сзади наносится ртуть или оловянная фольга, но они быстро тускнеют, и поверхность не получается ровной. Бесполезная вещь.

В эпоху Великой И, конечно, были стеклянные зеркала, и даже окна делали из стекла, которое было гладким и прозрачным. Но это были технологии, доступные только Управлению ремесленных дел или крупным торговым домам, а не какому-то деревенскому даосу.

http://bllate.org/book/16827/1547279